

К.В. Цеханская

К вопросу об этнорелигиозном сознании в эпоху глобализма¹

Интерес к вопросам этнорелигиозного сознания в конце XX — начале XXI в. вызван кардинальным изменением картины мира, стремительной ломкой социальных устоев в связи с тенденцией переустройства современного миропорядка и глобализацией как конечной целью создания нового общественного устройства. Поэтому особый интерес представляет изучение вопросов жизни русских в России как традиционно православной стране. Специфика XX в., окрашенная социально-политическими катаклизмами, отразилась на религиозно-нравственной жизни всех слоев населения, во многом изменила этническую культуру подавляющей его части.

Осмысление, оценка религиозного сознания в условиях глобализма — сложнейшая задача не одного поколения историков, поэтому хотелось бы только обозначить некоторые параметры этого многогранного вопроса.

Современный мировой исторический процесс сегодня жестко обусловлен силовой стратегией управления со стороны Запада, имя которой — глобализм. Глобализм и глобализация становятся важнейшим объектом внимания политологов, социологов и экономистов развитых индустриальных стран, вызывает интерес как наднациональная доктрина насилиственного управления миром у всего национально мыслящего человечества. Становится совершенно очевидно, что мир, по словам А. Зиновьева, действи-

тельно вступил «... в новую фазу развития — в фазу проектируемой и управляемой истории»². Добавим, управляемой наднациональной западной финансовой и политической элитой под эгидой США³.

В контексте данной статьи важно уяснить смысловое содержание понятий «Запад» и «западная цивилизация». Понятия эти уже давно стали общепринятыми терминами современных научных и общественно-политических дискуссий. А.И. Уткин, автор фундаментального исследования по истории геополитических отношений России и Запада, отмечает, что «...именно в России Запад был впервые обозначен и назван “Западом” в широком современном значении этого термина»⁴. Размышляя о смысловом контексте термина, А.И. Уткин так определяет понятие «западная цивилизация»: «Мы называем Западом не столько регион, сколько тип культуры и строй мысли, парадигму сознания, стереотип жизненного пути. Западом невозможно назвать ни одну страну конкретно. Географически — это совокупность стран Западной, Центральной Европы и Северной Америки... Правомочно ли говорить о Западе как о целом? В определенном и главном смысле — да. Эмпирически это та зона мирового сообщества, где господствует индивидуализм, где существует буржуазная демократия, где преобладающей является христианская религия и главенствует светская организация общества. Подчеркнем еще раз его об-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 03-01-00193а.

² Зиновьев А. Одиночество мысли // Независимая газета. 2002. 29 окт.

³ Следует особо подчеркнуть, что мы не можем рассматривать современный процесс глобализации как только лишь проблему гегемонии США. Геополитическое и экономическое господство Америки — конечный итог тысячелетних попыток человечества построить «торговую цивилизацию», очищенную от моральных и религиозных запретов по отношению к ценностям человеческой жизни как таковой. Служение древнейшему божеству Маммоне лежит в глубинах падшей природы человека. В христианское время этот грех стал скрыто культивироваться на протестантском Западе под видом этически трудового служения богоугодному делу. Такой тип общества, основанный на особой религиозно трудовой этике в сочетании с рыночной экономикой и приматом частной собственности, принято называть капитализмом. Глубокую характеристику капитализма дали выдающиеся западные ученые М. Вебер и В. Зомбарт, убедительно доказавшие влияние протестантской этики на зарождение и развитие западного капитализма.

⁴ Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 2002. С. 28.

щее начало — менталитет, основанный на индивидуализме, рационализме и предпринимательстве»⁵.

Несмотря на указанное выше родовое единство идеологических основ, объективно Западная, Центральная Европа и США сегодня уже не являются равноправными участниками казалось бы единого глобалистского проекта. На текущий исторический момент США — единственный полноправный менеджер глобализма. Уже понятно, что западноевропейские страны в конце XX в. утратили самостоятельность и в вопросах собственной безопасности, и в возможностях независимых geopolитических маневров⁶. Как отмечает Н. Нарочницкая, «американская стратегия вышла на новые рубежи, за которыми Европа — это уже не центральная ось, а региональный уровень, это пройденный этап глобализации. Это всего лишь тыл для формирующейся ангlosаксонской оси»⁷.

Таким образом, оперируя понятиями «Запад», «западная экспансия», мы должны прежде всего иметь в виду США — молодое, агрессивное государство, при своем становлении энергично вобравшее квинтэссенцию протестантской пассионарности в форме радикальных сект и к концу XIX — началу XX в. полностью освободившееся от христианской окраски своих религиозно-этических идей. Чрезвычайно важно указать на несостоятельность суждения об американских религиозных ценностях как ценностях истинно христианских. Прагматический отказ от подлинной евангельской религии спасения лежит в догматических основах кальвинизма и пуританизма. Так, М. Вебер отмечал: «...парадокс профессиоナルной этики пуритан, которая в качестве религиозной виртуозности отказалась от универсализма любви, рационализировала всякую деятельность в миру как служение положительной воле Бога, в своем последнем смысле совершенно непонятной, но единственной в таком аспекте познаваемой, тем самым приняла как подтверждение обладания божественным милосердием также экономический закон...в качестве угодного Богу материала для выполнения долга. Это было, по существу, принципиальным отказом от веры в спасение как цели, достижимой для людей и для каждого человека в отдельности, та замена ее надеждой на милосердие Божие, даруемое без осознаваемой причины и всегда только в данном частном случае. Такое возврение, не основанное на братстве, по существу,

уже не было подлинной «религией спасения»⁸.

Как справедливо подчеркивает Н. Нарочницкая, «американские пуритане последовательно, с мессианской убежденностью строили, причем начиная с фундамента, рай на земле и свое владычество над миром. Религиозный мотив переселенцев очевиден, нужна была табула раса, они методично устранили препятствия, не жалея не предназначенных ко спасению, доказывая земным успехом свою богоизбранность как и учил Кальвин. Культ человека, антропоцентризм, рожденный прометеевским духом Возрождения, давший на европейском католическом фундаменте, развитом духовной аскезой, героическую и утонченную культуру, выродился в американском образе жизни во впечатляющий культ тела — совершенно языческий, а в XX век логически покончил и с ханжеской установкой ранних пурitan на бытовую скромность —rudimentum этики апостольского христианства, противоречащей гордыне кальвинистов»⁹.

Очевидно, отступление от евангельского учения о греховной природе человека, о свободе воли и благодати, о призвании ко спасению всего человечества, свидетельствует о непримиримом противоречии американской протестантской традиции с божественной этикой Нового Завета. Поэтому все публичные суждения о протестантизме как о христианской религии являются, на наш взгляд, всего лишь привычной формой корректного отношения к инакомыслящим или следствием определенных заблуждений. Н. Нарочницкая ясно указывает на родовую, нехристианскую черту американского протестантизма — пафос хилиазма с его мессианским предопределенением ангlosаксонской нации-искупительницы¹⁰. Г. Моргентау, один из крупнейших специалистов в области международных отношений, в своей классической работе определяет идеологическую сущность империализма как «отождествление политических устремлений одной нации» со вселенскими моральными законами. Он указывает, что это — «специфическая идеология ангlosаксов, сформулированная Британией, но доведенная до совершенства и абсолюта Соединенными Штатами», презревшими «пропасть между верой в то, что все нации подлежат Божьему суду, и кощунственной уверенностью, будто Бог всегда на одной стороне и воля Его совпадает с тем, что эта сторона для себя желает»¹¹.

Так, в мировоззрении современной Америки мес-

⁵ Там же. С. 28—29.

⁶ Нарочницкая К. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 518.

⁷ Там же.

⁸ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 317.

⁹ Нарочницкая К. Указ. соч. С. 76.

¹⁰ Там же. С. 82—83.

¹¹ Там же. С. 82.

сианские идеи органично уживаются с идеологией либерализма¹². Для обоснования своей претензии на исключительную роль в мировых процессах, Соединенные Штаты активно внедряют в общественное сознание американцев различные религиозно-протестантские теории. Наиболее одиозная из них — диспенсациализм (от лат. *dispensatio* — «промышл»). Согласно данной теории, промысл Бога состоит том, чтобы перед концом мировой истории возложить на англосаксонскую расу миссию богоизбранного народа, призванного управлять судьбами человечества. Протестанты должны создать «Новый Израиль», который будет опекать другие народы, готовя их к покаянию на Страшном Суде. Препятствием на пути к исполнению этой промыслительной миссии будет носитель абсолютного зла — царь Гог из страны Магог, подлежащий уничтожению. В трактовке диспенсциалистов этот персонаж Ветхого Завета, вторгшийся в древние времена на землю Израильского царства, устойчиво отождествляется ныне с Россией. Впервые такую параллель провел еще в 1855 г. американский евангелист Дж. Каллинг, назвав царем Гогом из страны Магог императора Николая I. В разгар «холодной войны» теория диспенсциализма стала доктринальной религиозной позицией протестантской Америки в отношении Советского Союза¹³.

Таким образом, США рассматривают себя как богоизбранное государство, имеющее сакральное право управлять мировым сообществом всех остальных государств. С началом «холодной войны» против СССР идея глобального господства над миром приобрела ясные, конкретные, программные формы. Как отмечает Е.С. Троицкий, «по мере возрастания могущества США гегемонистские мотивы в деятельности и выступлениях лидеров нарастали. Так, президент Г. Трумэн говорил о “времени ответственности американского народа за дальнейшее руководство миром”. Тему «американского руководства миром» активно развивали президенты Д. Эйзенхаузер, Р. Никсон и другие. Когда же США стали уже единственной сверхдержавой, упоение Американ-

ской мечтой как идеологическим обоснованием мирового господства США превзошло все разумные пределы. Так, во время президентской выборной кампании 2000 г. СМИ неустанно передавали формулу кандидата в вице-президенты от демократической партии Либермана «США — единственная сверхдержава, великая страна № 1»¹⁴. Сегодня основная geopolитическая задача США в отношении России четко выражена в доктрине З. Бжезинского, призывающего не допустить возрождения евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы¹⁵. Анализируя уничтожительную позицию Бжезинского по отношению к постсоветской России, Е.С. Троицкий пишет: «Характерны в этом плане разлагольствования нашего давнего недоброжелателя Зб. Бжезинского, который упорно доказывает, что Россия не “партнер”, лишь “клиент” Запада, обращающийся к нему за помощью с протянутой рукой... Далее бывший советник президента США по вопросам национальной безопасности заявлял: “Претендовать на роль сверхдержавы — иллюзия. Россия сейчас — бедная примитивная страна. За пределами нескольких городов Россия как Индия”. Тон, как видим, оскорбителен, построен на демагогическом противопоставлении разных народов. Выступая на заседании Американско-украинского совещательного комитета по случаю присвоения Бжезинскому звания “почетный гражданин Львова”, “неистовый Збиг” заявил: “Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России!” Комментарии, как говорится, излишни»¹⁶. Проблема анализа сущностной природы глобализма по-американски особенно драматично встает в наши дни перед русским общественным сознанием. Несомненно, глобализм как специфический продукт западного цивилизационного пути нацелен, прежде всего, на полное уничтожение главной духовной основы русской цивилизации — православия¹⁷. Рос-

¹² К середине XX в. либерализм в крайних теориях уже утверждает «абсолютный суверенитет взглядов и наклонностей человека в его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была», — в этом тезисе Фридриха фон Хайека уже отсутствует даже тень понятия о пороке и добродетели, о нравственности и безнравственности, о норме и извращении, стерто понятие о грани между добром и злом.

¹³ Очерки истории культуры: учебное пособие / Под ред. М.Н. Пруникова. М., 1999. С. 122.

¹⁴ Троицкий Е.С. Русская этнополитология. Т 1. М., 2001, С. 322.

¹⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 108.

¹⁶ Троицкий Е.С. Указ. соч. С. 321—322.

¹⁷ Следует подчеркнуть, что политический и культурный экспансионизм Запада в обозримой истории не ограничивался лишь Россией. Сильнейшее цивилизационное давление Запада испытывали все крупнейшие государства мира, обладавшие традиционным, закрытым, а следовательно, негражданским типом общества, например, императорский Китай или Оттоманская Турция. А.И. Уткин в упомянутой выше работе убедительно раскрывает механизмы западной стратегии глобального управления человечеством. Суть данной стратегии — жесткий техногенный диктат, бросающий вызов остальному миру и принуждающий весь этот остальной, не западный мир либо подчиниться лидерству Запада, приняв его шкалу ценностей, либо вступить с ним в параллельное соревнование через насильтвенную модернизацию собственной, национальной общественно-экономической системы.

сия, как ранее Византия, со всем духовным багажом восточнохристианского мироцентризма всегда вызывала в исторической ретроспективе полное неприятие со стороны западноевропейских христианских элит. Как откровенно подчеркнул А. Тойнби, «русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 г. этой русской варварской отметиной была Византийская цивилизация восточно-православного христианства»¹⁸. «Неправильный», «незападный» тип русской цивилизации, веками утверждавшийся на огромных пространствах Евразии и сохранивший после всех катаклизмов XX в. свое православно-общинное ядро, — вот главная мишень современной глобалистской атаки Запада.

Как верно отмечал А.С. Панарин, «напрасно Россия считала, что камнем преткновения ее на пути к европейскому дому является коммунизм. Коммунизм ушел, а недоверие и ненависть к России остались. Более того: обнаружился их более глубинный, сверхидеологический и сверхполитический характер. В качестве ответчика на нынешнем глобальном процессе по делу “коммунистического тоталитаризма” теперь все чаще привлекается православие. А эту болезнь “русского менталитета” нельзя излечить сменой строя и идеологии: от нас требуют изменения самой нашей духовной природы, умертвления ценностного ядра нашей культуры»¹⁹.

А.С. Панарин последовательно раскрыл причины, по которым главной мишенью господствующих мировых сил стало православие: «Во-первых, православие осталось единственным ортодоксальным носителем принципа блаженства нищих духом — господствующий новолиберальный дух эпохи, напротив, утверждает, что у бедных, неприспособленных и неприкаянных нет алиби — они достойны своей участи. Неравенство богатых и бедных теперь, после культурологических открытий, касающихся ментальных предпосылок богатства, связанных, в частности, с западной протестантской традицией, носит уже не столько социально-классовый, сколько расово-антропологический характер, связанный с глобальным естественным отбором, с делением населения мира на приспособленных и на неприспособленных. По замыслу победителей в холодной войне решительному демонтажу подлежит все то, что препятствует мировому естественному отбору и так или иначе подстра-

ховывает “нищих духом”. К таким препятствиям отнесли сегодня не только социальное государство, но и православную церковь — духовную надежду и защитницу гонимых и страждущих»²⁰.

Ясно, что будущее России как независимого национального государства будет напрямую зависеть от духовно-нравственного состояния русского народа и прежде всего от позиции православных верующих. Неприятие западных либеральных футурологических проектов в отношении России, активное, волевое противодействие малейшим попыткам модернизации русского Православия, защита и поддержка традиционных основ русской жизни — на таком духовном уровне русские и другие православные и неправославные народы России смогут действительно ответить на угрозы глобализма.

Тема глобализма уже получила всестороннее освещение в трудах современных отечественных историков, философов: А. Зиновьева, Л. Ивашова, А. Уткина, С. Кара-Мурзы, И. Фроянова, Н. Нарочницкой, М. Делягина, А. Панарина, Е. Троицкого, Л. Шелепина, О. Платонова.

В чем же заключается феномен глобализма? Каково истинное содержание, признаки и конечные цели этого нового процесса мировой истории? Пожалуй, самую краткую и ясную формулировку сути глобализма дал И. Фроянов: «Исторический опыт показывает (и в этом сходятся все исследователи), что глобализм это есть формирование нового мирового порядка, характеризуемого слиянием (нередко принудительным и насильственным) национальных экономик в единую мировую экономическую систему, уничтожением национальных государств и правительств, а значит, государственных границ. В конечном счете глобализация означает создание “вселенской цивилизации”, носителем которой, по терминологии А. Зиновьева, является глобальное сверхобщество, управляемое мировым правительством... Это основная цель, все остальное — средства для ее достижения»²¹.

Существует и другой утилитарно-позитивистский взгляд на проблемы глобализации. В московском Институте проблем глобализации под глобализацией понимают взаимосвязь информационной революции, развитие сети Интернет и возможность интеграции финансовых рынков и структур. Эксперты института полагают, что глобальные системы коммуникаций разрушают «разнообразные барьеры на

¹⁸ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106—107.

¹⁹ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 219.

²⁰ Там же. С. 220.

²¹ Фроянов И.Я. Глобализация под знаком памяти // Сов. Россия. 2002. № 74. С. 3.

пути обмена знаниями», позволяя создать «единое планетарное сознание»²².

Таким образом, в рассуждениях историков и политологов можно увидеть разницу между глобализацией и глобализмом, проектом навязывания всему человечеству «общемировых универсальных ценностей», им руководят силы, далекие от христианства, которым удается в своих целях использовать весь набор признаков глобализации от ускоренной передачи информации поверх границ до финансовых и политических процессов. Однако при этом подвергаются деформации такие важные сферы государственного жизнеустройства народов, как национальная власть, традиционные культурные ценности, этика, религия и свобода.

Итак, есть глобализация как исторически обусловленное, т.е. неизбежное, расширение экономического и информационного сотрудничества между странами и народами. А есть глобализм как доктрина по захвату мирового господства избранной наднациональной элитой финансистов и политиков. Но по сути дела и глобализация, и глобализм суть две стороны одной медали. Поэтому видимые процессы глобализации и сам глобализм как идеологический, еще не до конца осуществленный проект следует рассматривать в качестве единого явления.

В этом единстве обнаруживается главный качественный признак глобализма, сердцевина организма — либерализм. Либерализм является производным от протестантизма, это — конечный логический продукт развития протестантской этики с ее моральным оправданием неограниченной свободы деятельности индивидуума. Идеи глобализма легко проникают в сознание современного человека, потому что либеральная суть глобализма апеллирует к греховной стороне личности, к ее извечному стремлению осуществить свой свободный выбор. Для православного верующего постоянное стремление любыми средствами оградить человека от греха — естественное явление. Либералы же считают преступлением любое ограничение свободы, будь то прелюбодеяние или пьянство. Непонимание вызывают такие, по их мнению, «предрассудки», как защита веры или народных святыни. Такая же пропасть и в определении главных целей жизни: для одних важно — хорошо ли им будет на земле, и ничего более; для других — православных — достигнет ли человек Неба.

Очевидно, что пришедшая к нам либеральная доктрина опирается на представления о человеке как о самодостаточном, свободном индивидууме, который обладает естественным — природным правом

действовать вопреки любым сдерживающим религиозным установкам человеческого социума. И в этой принципиальной убежденности либерализм борется не просто с той или иной конфессией, ограничивающей свободу поступков личности, а против религии вообще.

Единство глобальной системы управления предполагает не только унифицированное единство финансово-экономических, политических и культурных процессов мировой истории. Но прежде всего для сохранения контроля над достигнутыми формами единства требуется постоянный мониторинг и последующая ликвидация идей, ограничивающих экспансионистскую свободу глобализма. Национальная власть, национальные государства, национальная Церковь, национальная культура, наконец, национальная идея в своей совокупности и по отдельности — действенное препятствие на путях насильственного объединения человечества.

В современной России, как и в былые переломные моменты отечественной истории, таким непреодолимым препятствием пока остается православие — основа национального менталитета, движущая духовной силы русской истории и русской идеи. Уже стали программными и даже хрестоматийными слова З. Бжезинского: «После СССР главным врагом Америки остается русское православие». Весь наблюдаемый сегодня либеральный процесс по переустройству России является реальным воплощением данного словесного тезиса. При этом никто — ни Европа, ни Америка — не покушается на догматические и институциональные основы Русской Православной Церкви. Расчетливый удар направлен на другое — на изменение внутренней сущности носителей православной идеи, т.е. на перекроjку духовной основы русских людей.

Сегодня православное сознание этноса, с одной стороны, подвергается невиданному воздействию западной массовой культуры, с другой стороны, определяется условиями самого бытия, почти полностью утратившего привычную, традиционно русскую общинную форму. Объективно это объясняется резкой сменой цивилизационного вектора в истории России. В конце XIX в. в нашей стране свершилась бескровная революция — советский строй подвергся демонтажу. На смену социализму «пришел капитализм в самом примитивном виде, возможного, наверное, лишь в XIX веке»²³.

На смену государственному патернализму — этому исключительному явлению всей тысячелетней русской государственности — внедрился капи-

²² Практика глобализации. Игры и правила новой эпохи. М., 2000. С. 16, 50, 93.

²³ Уткин А. И. Вызов Запада. Ответ России. М., 2002. С. 373.

тализм со своим жестоким кредо: «Каждый выживает в одиночку». Новая политическая система потребовала скорейшего радикального пересмотра всех прежних традиционных ценностей, очевидно препятствующих либерально-буржуазному «духу капитализма», насаждаемого в России. В процессе этого пересмотра появилась идея формирования нового поколения россиян на основе либерального мировоззрения. И вот здесь традиционное общественное и религиозное сознание граждан России впервые столкнулось с новейшим идеологическим орудием глобализма — толерантностью.

Об угрозе проникновения в российское общественное самосознание идеологии терпимости предупреждал о. Александр Шаргунов, ясно указавший конечную цель прививаемого в нашей стране плюрализма — уничтожение апостольских основ православного вероучения. «Главная секуляярная фундаментальная ценность демократического мировоззрения Запада, определяющего эталоны всех ценностей в России сегодня, — это принцип политического и идеологического плюрализма, идеологической терпимости, который даже не вникает в сущность идеологии, принцип, отрицающий, по сути, абсолютные истины. Нет господствующей идеологии, есть много идеологий, каждая из которых — отчастистина. Нет одной истины, есть много относительных частных истин. Внесененный в религиозное сознание, этот принцип элементарно приводит к мысли, что не иначе обстоит дело и в религии; отсюда и возникает идеология религиозного универсализма, который, спекулируя на мысли, что в каждой религии есть естественное откровение, есть отблеск Божественного света, делает чрезмерный акцент на том, что именно в этом, а не в обличении лжи вне христианства, особенно в наше время, когда зло достигает уже последнего предела, заключается наша задача как христиан, братьев всех людей на земле. Если эти кусочки сложить вместе может, у нас и получится целостная истина? Такое понимание противоположно христианскому принципу креста, оно является отказом от него, оно неизбежно приводит к религиозному индивидуализму и эгоизму: это право верить, так или иначе... Человек ищет живое лицо истины, хочет вкусить и почувствовать очевидность того, что содержится в догматах. Если мы не обновимся, — а мы не обновимся, не противостоя изо всех сил всякому злу в мире, — мы не сумеем устоять и победить в той неизбежной конфронтации со всеми лжеучениями, для которых христианский догмат — досадное препятствие на пути к созданию единой суперрелигии»²⁴.

Столетиями православное сознание стойко и успешно противостояло западной идее религиозного плюрализма, но сегодня эта идея отставлена в сторону как идея малоэффективная, т.е. не давшая желаемых плодов. Вместо нее появилось совершенно новое идеологическое оружие, несравненно более мощное и разрушительное. Речь идет о толерантности. Прицел этого оружия уже не направлен открыто и прямо в сердце православия. Он нацелен на души людей, могущих прийти в православную церковь, а в идеальном расчете — на души тех, кто уже пребывает в лоне Православия. Только таким иезуитским путем через внутреннюю трансформацию менталитета потенциальных или реальных носителей религиозного сознания противники Христа рассчитывают изменить и само православие.

Удар толерантности первой испытала российская средняя и высшая школа, где настойчиво вводится в образовательный процесс дополнительный гуманитарный курс — курс по обучению навыкам толерантного поведения как нормы современного гражданского общества. Согласно «Программе развития этнокультурного образования и воспитания в духе культуры Мира в Москве» (руководитель проекта — Центр цивилизационных и региональных исследований РАН), внедрение основ толерантного поведения в учебный процесс и социальную практику должно дать подрастающему поколению навыки сотрудничества с людьми, отличающимися друг от друга по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям; должно воспитать уважение к разнообразию мировых культур, религий и мировых цивилизаций, а также должно сформировать способность адаптации к новой культуре. Подчеркнем, что форма обучения толерантному сознанию и поведению устанавливается в жесткой форме стандарта гуманитарного образования.

Совершенно очевидны далеко идущие цели указанной выше программы — воспитание свободной, атомизированной личности, терпимой ко всем новациям в жизни страны без учета их качественного отношения к судьбам народа. Молодой человек, усвоивший принципы толерантности, уже может pragmatically приспособиться к любым условиям жизни, к любым религиозным, экономическим и культурным программам без стремления критического осмысления данных установок в контексте общенародного блага. Размытие национальных архетипов в этнорелигиозном и гражданском сознании русского этноса — вот желанная цель архитекторов глобализма.

²⁴ Шаргунов Александр, прот. Проповеди и выступления. М., 1996. С. 455, 460.

В дореволюционной России и в СССР терпимое отношение к инокультурной среде внутри страны всегда было естественным состоянием общественной жизни. Более того, русский народ всегда воспринимал все этносы, исторически входившие в состав державы, как братские. Трудно назвать обычной терпимостью благожелательное отношение русских к языку, традициям, верованиям, нравам и убеждениям малых народов и этносов России. Оно было не просто благожелательным — оно носило охранительный характер и никогда не требовало никаких специальных тренингов и программ в виде толерантности. Показательно, что А.С. Пушкин завещал все свое поэтическое наследие не только славянам, но и финнам, и тунгусам, и калмыкам. Как гениальный выразитель духа народа, Пушкин ярко выразил главные черты русского народа — его миролюбие, веротерпимость и христианскую раскрытость всему миру.

Итак, вместо православного гражданина православного Отечества новая российская интеллигентская элита предлагает воспитать толерантную, т.е. несвободную личность, со школьной скамьи ориентированную на некритическое, конформистское отношение к явлениям действительности. Для чего необходимо пестовать именно такого человека? Подобный тип человека необходим для нового мирового порядка, строительство которого разворачивается на наших глазах. За последние 10 лет мир изменился коренным образом. Если в начале XX в. человечество пыталось осуществить идеалы социальной справедливости, то сейчас в мире в социальном плане происходит жесточайший естественный отбор. Устанавливается новый мировой порядок, где транснациональные кампании через банки регулируют и направляют все социальные, политические, экономические и культурные программы в мире. Те государства, народы и отдельные люди, которые не соответствуют этому новому порядку, должны исчезнуть с лица земли. Пример тому — уничтожение Югославии, бомбардировки Ирака, экономическая блокада неугодных Америке государств и, конечно же, насильственный распад СССР.

Вместе с крушением Советского Союза мировой капитализм вступил в высшую стадию своего развития — глобализм. Единственной преградой на пути глобализма может стать адекватное западу по своей военной мощи национальное государство, управляющее национальным правительством, развивающее национальную экономику, исповедующее национальную идею. Удерживающей от глобализма силой могла быть Россия. Но она насилино интегрируется в мировое сообщество в качестве мощного донора, по частям превращаясь в сырьевой придонаток транснациональных корпораций. Воспитание российской

молодежи в духе толерантности, по замыслу авторов глобального проекта, призвано превратить Россию в периферийную колонию «золотого миллиарда».

Власть капитала так же агрессивна, как были агрессивны государственные режимы милитаристского образца. Однако сегодня капитал осуществляет агрессию без боя — за счет финансовых вливаний. Но это не значит, что финансовая война за мировое господство идет бескровно, ведь она проходит на пространствах национальных государств, повергая их народы в нищету, экономическую кабалу, межэтнические и межнациональные войны. Человечество узнало новые формы гибели, нежели те, когда люди умирали открыто на полях сражений. И в этих условиях экспансии глобализма создателям нового мирового порядка необходимо взрастить своих адептов, идеологических воинов. Для этого им необходимо изменить генотип народов и в масштабе мира сформировать новое поколение людей, способных не только выжить в условиях глобализма, но могущих служить этой системе и по мере надобности воспроизводить ее в любой точке земли.

Человекотворческая цель глобализма в России — создание нового этнокультурного типа, не осознающего своей национальной и религиозной самобытности. Этот тип посредством образовательных методик будет освобожден от необходимости творчески-волевого созидания собственных критериев оценки действительности. Уже со школьной скамьи подобная личность впитает мысль об относительной ценности традиций и устоев своего этноса и будет восприниматься как унифицированная единица в ряду других равнозначных традиций и культур. Из этой принудительной нивелировки содержания национальных культур и сложится фундамент нового мирового порядка, где терпимость к иному мнению окончательно превратится в пассивный конформизм. Адаптация к новой культуре обернется равнодушным согласием на уничтожение собственной. Веротерпимость выльется в торжество тоталитарных культов самого антигуманного свойства. Сама же идея толерантности преобразуется в форму невиданного тотального насилия над человеческим духом.

Глобалистская идеология толерантности порождает еще одну драматическую проблему современного религиозно-этнического сознания — проблему соотношения мирского и церковного в жизни верующего человека.

И внешнее и внутреннее содержание общественной жизни современной России дает все основания полагать, что православному человеку в скором времени будет все труднее и труднее оставаться истинным христианином не только в жизни, но и в церковной ограде. Прот. Александр Шаргунов с тревогой отмечает: «Общество захлестнуто организованной

через средства массовой информации пропагандой растления и магии, которая приобретает характер войны против Церкви, может быть, более страшной, чем все прежние войны. Самое страшное — то, что сейчас все большее число людей втягивается в преступления, в растление, в бездушие... Может быть, уже наступает время, когда исполнение основных заповедей Божиих будет стоить мученичества, не только в том духовном смысле, о котором говорят святые отцы “отдай кровь и прими дух”, но и в том буквальном смысле, в каком это было во времена Содома и Гоморры. “Будет время, — пророчески писал в IV веке преподобный Антоний Великий, — когда скажут: Ты безумствуешь, потому что не хочешь принимать участия в общем безумии, но мы заставим тебя быть как все!” Может прийти такое испытание веры, как сказал один епископ, когда мученики, к радости власти предержащих, вынуждены будут отказаться от исповеди Христа перед всеми, чтобы не предать поруганию Его святое имя, — так велико может быть всеобщее отступление»²⁵.

Действительно, мы не можем утверждать, что наше время несет меньше насилия над человеческим духом, чем прошедший ХХ в. Разница лишь в том, что насилие принимает в наше время новые, изошренные, кодирующие формы воздействия на сознание и подсознание человека. Самое разрушительное явление сегодняшней жизни России — это внедрение новой западной либеральной идеологии и пассивное отношение к ней со стороны подавляющей части населения, в том числе и верующих людей. Об этом прямо говорит о. Александр Шаргунов: «Ложь и бесстыдство на земле, особенно в отечестве нашем, давно перешли все границы. Но есть нечто худшее — это умственный, и нравственный, и духовный паралич народа. Но ужаснее всего — когда паралич касается нас, верующих людей, Церкви. Отсутствие нормальной реакции вызывает большее беспокойство, чем даже действие зла, потому что оно выдает состояние ослабленности организма, который пассивно, не сопротивляясь, переносит дьявольское искушение»²⁶.

Пассивность русского народа проистекает, в частности, из того, что он не успел соборно, сообща выработать собственный взгляд и позицию по отношению к новому социальному-экономическому порядку. Смена социализма на капитализм произошла молниеносно. Старую идеологию просто заменили на западную, навязав как приданое к новой рыночной системе отношений. Новые категории либеральных ценностей, требующие крайнего индивиду-

ализма, жестко внедряются во всех сферах жизнедеятельности нашей страны: в экономике, политике, а самое главное — в культуре. Предлагаемый западный социо-культурный стандарт с его протестантской установкой на атомизированную, независимую, самодостаточную личность претендует на изменение психотипа русских людей.

Представляется, что последней и самой желанной целью глобалистов в России является уничтожение уникального религиозного феномена православной личности — главной опоры, твердо сохраняющей истину и чистоту апостольской Церкви.

В России церковная личность всегда была тесно связана с реальной земной средой, в которой происходило органичное мирское претворение религиозных идей. Если жизнь православного человека в миру не совпадает с тем, что он исповедует в Церкви, и с тем, что от него требуют церковный закон и этика, то это неустранимое противоречие расщепляет религиозное сознание личности, побуждая ее идти на губительный для души компромисс. Сам антихристианский характер современной жизни, когда осуществление христианских заповедей в миру становится непосильным духовным подвигом, может менять сознание верующего человека. И тогда в лучшем случае православная личность уйдет в формальное обрядоверие, совмещая церковную «гигиену души» с жестокой борьбой за выживание в миру. В худшем эта мятущаяся, расщепленная личность будет понуждать Церковь модернизировать этические требования к вынужденно согрешающему человеку. И первый, и второй случай — неотвратимые пути гибели Православия.

«Самая большая опасность для Церкви, — говорил святой Феофан Затворник, — это когда остается только внешняя видимость, то есть сохранение системы (сохранение постов, например), сохранение чего угодно, всего внешнего, как будто бы драгоценного и нужного, но когда при этом теряется самое главное. Эта внешняя видимость есть тайна беззакония внутри Церкви...»²⁷

Одновременно с атакой на православное сознание глобализм нацеливается на разрушение и других важнейших архетипических основ русской цивилизации. Речь идет о демонтаже русской национальной идеи и о замене общинного сознания народа стандартными психологическими матрицами западного индивидуализма. Действительно, краеугольный камень русского менталитета — общинное сознание, т.е. готовность на добровольный отказ от частного

²⁵ Шаргунов Александр, прот. Проповеди и выступления. С. 405, 406.

²⁶ Там же. С. 174.

²⁷ Цит. по: Шаргунов Александр, прот. Указ. соч. С. 30.

блага во имя блага общего²⁸ — до сих пор препятствует вестернизации общественного сознания граждан России. Поэтому основной вектор цивилизационного прессинга Запада на Россию устремлен в сферу идей. Нетрудно догадаться, какой идеологический проект готовит для России западное глобальное сообщество. Необратимая замена общинно-соборного сознания народа индивидуалистическими установками протестантского толка, идеологически закрепляющими начертанную Западом экономическую парадигму развития нашей страны, — это и есть глобалистский проект будущей русской идеи.

В. Кожинов, размышляя об уникальном этносоциальном феномене русского характера, приводит неожиданное суждение о русском народе в советский период, принадлежащее антисоветисту писателю Михаилу Назарову. «Это человек, — пишет Кожинов, — который 20 с лишним лет пробыл в эмиграции, причем в эмиграцию он просто бежал из России, работал на радиостанции “Свобода”, естественно, вел яркую антикоммунистическую пропаганду и от этого не собирается отказываться. Тем не менее, в одной из своих работ, вошедших в его книгу “Историософия Смутного времени”, он написал следующее о том, что господствовало с 1917 по 1992 год в стране: «Необходимо увидеть в национал-большевизме — патриотизм, в покорности угнетению — терпеливость и жертвенность, в ханжестве — целомудрие и нравственный консерватизм, в колlettизме — соборность и даже в просоциалистических симпатиях стремление к справедливости и антибуржуазность, как отказ от преобладания материалистических целей в жизни». То есть он хотел сказать, — комментирует Кожинов, — что в этой, так сказать, коммунистической оболочке какие-то основные корневые моменты существования русской цивилизации, русской культуры сохранились. Они, как полагает М. Назаров — и в этом есть, конечно, глубокая правота, — искалились... но тем не менее все это сохранялось»²⁹.

Действительно, как отмечает профессор Санкт-Петербургского университета В.Н. Сагатовский, «...русская духовность сумела придать рационалистическим построениям социализма (с его трударми-

ями, классовой борьбой и пр.) нравственное измерение. Потому что не ужас перед миром, не ненависть к нему, не жажда власти, а внутренняя любовь к сущему, внутренняя ориентация на справедливость были присущими тем нашим людям, которые и сделали все то положительное, что только можно было сделать при такой теории и при такой власти. Вынесут ли они и нынешние испытания?»³⁰

Для того, чтобы окончательно погрузиться в духовное ядро государственнообразующего русского этноса, «новая» идея должна уничтожить «старую». При этом способы борьбы «новой экспортной» идеи с «отжившей старой» не являются тайной и понятны каждому мыслящему человеку. Так, например, политик А.И. Подберезкин еще 16 лет назад прямо указал на основные пути идеологического наступления на традиционную русскую идею: «Надежное уничтожение России не мыслится нашими оппонентами иначе как разрушение, искажение, деформация национальной идеи, составляющей основу личности... Один из путей разрушения “русской идеи” в массовом сознании — тотальная американизация всего и вся. Другой путь — шоковые социально-экономические воздействия, ломающие и подавляющие личность и волю. Но есть и третий путь, о котором мы часто забываем, — создание заведомо искаженных версий “Русской идеи”, внешне привлекательных, но запограммированных на уничтожение»³¹.

Сегодня в этот перечень мы можем добавить четвертый путь борьбы — прямое отрицание русской идеи. Перед тем как привести примеры подобного отношения к основной культурной ценности русского этноса, необходимо определить суть русской идеи и характер ее претворения в национальном сознании. Термин «русская идея» родился под пером Ф.М. Достоевского. Великий писатель определил русскую идею как мессианскую сверхзадачу русского народа в деле братского единения и спасения всего человечества, всех народов без исключения. Так, в 1877 г. Достоевский писал: «...Национальная идея русская есть в конце концов лишь всемирное человеческое объединение»³². Тезис Достоевского о ведущей роли русского народа в становлении гармоничного «...всемобщего единства мирового человечества»³³, его про-

²⁸ «Эта способность признавать “общее” более важным, чем “частное” (отнюдь не отвергая последнего), имела громаднейшее значение в многострадальной истории русского народа. Наряду с такими производными качествами, как доброта, отзывчивость, готовность к самопожертвованию, долготерпение, трудолюбие, отчаянная храбрость, коллективизм, она на протяжении столетий составляла главную особенность русского менталитета и главную черту национального характера» (Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 85—86).

²⁹ Кожинов В. О русском национальном сознании. М., 2002. С. 255—256.

³⁰ Сагатовский В.Н. Русская и социалистическая идеи в контексте интересов нации: Сб. Национальные интересы русского народа и демографическая ситуация в России, М., 1997. С. 180.

³¹ Подберезкин А.И. Русский путь: сделай шаг. М., 1988. С. 43.

³² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 25. Л., 1982. С. 20.

³³ Там же. С. 100.

роческий призыв к «самовольному, совершенно со- знательному и ничем не принужденному самопо- жертвованию всего себя в пользу всех»³⁴ — вот живой нерв русской идеи, понимаемой православным писателем как божественное соработничество русского народа в деле осуществления правды Божией на Земле.

Безусловно, такое видение исторической сверхзадачи русского народа вытекало не только из духовных итогов уже свершившегося отечественного исторического процесса, но оно также диктовалось очевидной для писателя угрозой апостасийной катастрофы мира, отвести от которой может лишь русский народ с его жертвенно-волевой, глубоко личностной и подлинно христианской антропологией. Христианский глобализм Достоевского, пожалуй, наиболее правильная альтернатива современному американскому «мессианству». Сегодня мировая интеллектуальная элита вкупе с российскими экспертами пытаются забыть русскую идею. При этом самые настойчивые рекомендации к отказу от нее идут из-за рубежа. Об этом более 10 лет назад писал философ А. Гулыга: «В марте 1993 г. состоялась международная конференция по русской философии. Американский славист Дж. П. Скэнлан рекомендовал нам избавиться от «невроза уникальности», которым мы якобы страдаем, для этого, по его мнению, русскую идею пора сдать в архив, “она ставит только преграды между Россией и цивилизованным миром”. Известный польский (а ныне американский) специалист по русской политической истории XIX в. А. Валицкий солидаризировался с ним: “Нет необходимости замыкаться в рамках какой-то русской идеи”»³⁵.

Очевидно, что главным камнем преткновения на путях сближения России и «цивилизованного мира» является православие — основной источник русской идеи. В стратегию борьбы с православием помимо рассмотренных выше установок на эволюционное изменение религиозного сознания включается и революционная программа радикального изменения православия. От русского государства даже не требуется каких-то духовных отречений, номинально России еще позволяют считать себя православной страной. Но и российская и зарубежная интеллигенция настоятельно призывает к необходимости реформирования Русской Православной Церкви.

Например, А. Солженицын, рассуждая о сложном положении современных думающих, ищущих епископов и священников, полагает, что «церковные формы не могут костенеть вторую тысячу лет, они сами просятся к развитию, к утончению в подвижной, бурной эпохе»³⁶. Писатель видит, что «... круги, пребывающие в застылой недвижности, то и дело “смиряют” их, осаживают. И что делать? Открытый спор, расправление встречают оценку “духовного бунта”, а главное — вносят в Церковь дух раскола. Десятижды нежеланный при этой внешней яростной атаке»³⁷. Но как тревожно, как угнетает опасная возможность, что ответом станет — самозакрытие, оцепенение Церкви»³⁸.

Другой специалист по проблемам русской идеи — В. Хорос — надеется, что «в русском Православии будут развиваться реформационные течения, способные выполнить функции, аналогичные европейскому протестантизму»³⁹. Но даже эти смелые высказывания меркнут перед высказыванием профессора Санкт-Петербургского государственного университета А. Замалеева. Выступая прошедшей осенью 2002 г. в Петербурге на конференции, отечественный ученый предложил для русских новую духовную идеологему: «Русский мир не должен быть связан с Православием»⁴⁰.

Сегодня наша страна переживает насильтственный цивилизационный слом, необходимый для ее включения в новую глобальную систему межгосударственных отношений. Поскольку первые места в этой системе уже заняты, то России предлагается скромно занять указанную ей нишу, конечно же, при условии полного отказа от претензий на свою исключительную национальную самобытность. Удивительно, но замысел глобалистов относительно унификации России по матрицам цивилизованного мирового сообщества находит позитивный отклик не только среди либеральной русской интелигенции, но и среди русского священства. Так, ночью 24 ноября 2002 г. на канале ТВЦ было показано выступление некоего игумена Вениамина из Санкт-Петербурга. Рассуждая о национальной идее, отец игумен настоятельно рекомендовал русскому народу отказаться от всяких мессианских задач. «Полагать, что у России есть какой-то особый национальный путь, — гордыня», — уверял петербургский иерей, призываю русский народ «смирен-

³⁴ Там же. С. 100.

³⁵ Гулыга А. Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 12.

³⁶ Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998. С. 186.

³⁷ Атака «консерваторов» на «модернистов».

³⁸ Там же.

³⁹ Хорос В. Русская идея в историческом перекрестке // Свободная мысль. 1992. № 6. С. 46.

⁴⁰ Бондаренко В.О. О международной конференции «Русский мир — проблемы и перспективы» // Завтра. 2002. № 49. С. 4.

но вписаться в общечеловеческое братство».

Что сегодня может противопоставить русское национальное сознание натиску апостасийного глобализма? Вероятно, оно должно духовно в большей степени вооружиться через преодоление тягот жизни, отказ от массовой культуры, милосердную помощь ближним, неприятие лжи и чуждых ценностей, для того чтобы остановить это наступление. Русские люди должны вспомнить о своей исконной общинности со стремлением к правде и справедливости; апеллировать к властям, требуя устранения государственного насилия, охранять основы православного вероучения, не уклоняясь в соблазны модернизации. В свою очередь, общественную заботу должна более активно проявлять и наша Церковь. Деятели Церкви, церковный клир — не врачи-психотерапевты, это активные воины Христовы. Может случиться так, что в ближайшее время Церковь наполнят люди, исповедующие навязанные им западные ценности. Если они окажутся в большинстве, то потребуют иного, не православного отношения к обряду и канону. Именно они будут настаивать на тех реформах Церкви, которые неизбежно последуют вслед за окончательным разрушением традиционного русского строя жизни.

В заключение вновь обратимся к словам о. Александра Шаргунова: «Сегодня Россия оказалась захваченной всеми существующими видами варварства. Мы не знаем, выйдет ли она из этого. Тем не менее, не будем никогда забывать, что Православие определяло жизнь русского народа на протяжении многих веков и что оно остается живым. Оно отвергается, но оно не уничтожено, несмотря на весь трагический развал, существует возможность, чтобы оно стало определяющим в жизни народа. Будет ли реализована эта возможность, сокрыто в тайне Бога. Богу все возможно. А нам остается трудиться изо всех сил для осуществления — пусть не христианской государственности, до этого теперь еще дальше, чем раньше, — но того идеала, где нравственная и духовная деятельность Церкви проникает во все слои общества»⁴¹.

Очевидно, драматизм современного мирового ис-

торического процесса состоит в том, что наша страна катастрофически быстро и необратимо утрачивает статус сверхдержавы. Исторически сложилось так, что начиная с XVI в. Россия выступала как основной цивилизационный противник Запада. И в исторической ретроспективе это противостояние, как правило, разрешалось открытыми военными действиями. Но к концу XX в. после поражения в холодной войне и распада СССР Россия столкнулась с совершенно новым, воистину апостасийным явлением глобализма — явлением, носящим ярко выраженный характер жестокой и продуманной духовной агрессии против России и Православия. Безусловно, не только православные, но и инославные народы России уже испытывают на себе духовные последствия бескровной атаки глобализма. Данные атаки носят характер точечных разрушительных ударов по религиозно-культурной матрице всех российских этносов без исключения.

Противостоять духовному экспансионизму Америки можно лишь вооружившись истинным пониманием смысла происходящих событий современной мировой истории. А смысл, на наш взгляд, состоит в том, что Соединенные Штаты Америки, уже именуемые Четвертым Римом, выступают в качестве нового пастыря для всего человечества, понуждая его силой или обманом принять новую религию глобализма. В этой ситуации Россия должна выступить мировой духовной силой, противостоящей цивилизации «Четвертого Рима». Представляется, что смысл жизни нашего народа всегда состоял и состоит в непрерывном творчески религиозном раскрытии Божественного замысла русской цивилизации. Промыслом Божиим России дана особая миссия: защищать справедливость, религиозную истину, воплощать в земной жизни евангельские идеалы веры, любви и милосердия. Оставаться верными своему Божественному призванию в это сложное, трагическое время — не только наша очередная духовная сверхзадача, это наш религиозный долг.

⁴¹ Шаргунов Александр, прот. Указ. соч. С. 438.